

КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

В. Тендряков. Очерки о колхозных буднях.— Евг. Долматовский. С доброй улыбкой.— П. Антокольский. Новое о Пушкине.— А. Дирингерова. Характер и творчество.— А. Анфиногенов. Репортаж об Арктике.— Ал. Исбах. Летопись французского Сопротивления.— Л. Лазарев. Слово и эрелище.

Литература и искусство

Очерки о колхозных буднях

Алексей Темляков кончает институт, осталось немного: сдать госэкзамены, защитить диплом, и он агроном с высшим образованием. Уже тревожат вопросы: что за работа ждёт впереди, куда ехать, какой выбрать себе путь? А путей много. Могут послать и директором совхоза, могут поставить и главным агрономом МТС, могут выдвинуть на председателя крупного колхоза. Можно даже поступить в аспирантуру тут же, при институте, — исследования, диссертации, в будущем высокое научное звание, кафедра, свои ученики. Это ли не заманчиво!

Но вот из родного села Замостья, где Алексей уже не был несколько лет, приходит от матери письмо. Мать пишет, что в замостинском колхозе, где не так давно жили справно, в эту зиму едва прокормили скот, и то не на своём, а на покупном сене; народ разошёлся кто куда, трудодень мизерный — триста граммов хлеба, а о деньгах и не мечтай. В колхозе пошатнулась жизнь, в колхозе плохо!

И Алексей решается на время перейти на заочное, оставить институт, поехать в свой колхоз. Это с пятого-то курса, когда диплом уже почти в руках, отказаться от перспектив творческой научной работы! Недаром же его многие предупреждают: «Смотри, парень, просчитаешься. Затянет жизнь — останешься недоучкой...» С точки зрения здравого смысла эти опасения не лишены основания.

Михаил Жестев. «Под одной крышей». «Советский писатель», М. 1955.

Но Алексей твёрдо стоит на своём решении. Он должен ехать в колхоз. Долг советского гражданина, и в первую очередь долг коммуниста, человека с высокопартийной моралью, обязывает его быть там, где трудно.

Мне кажется, и сам автор книги «Под одной крышей», Михаил Жестев, похож на своего героя Алексея Темлякова.

Много хорошего в нашей жизни. Можно писать о грандиозных стройках, о смелых учёных, о выдающихся колхозах. М. Жестев направил своё внимание на пошатнувшийся колхоз, даже подзаголовком своей книги поставил: «Очерки из жизни одного отстающего колхоза». Он показывает не только передовое, но и отстающее, не только достоинства, но и недостатки; больше того, о достоинствах автор говорит скромно,держанно, без славословия, а для показа недостатков не жалеет ни места в своей книге, ни красок. Прав ли он? Не признализ ли это нашу жизнь? Не помешает ли это в нашей общей, сложной и многограничной борьбе за построение коммунистического общества?..

Стал аксиомой тот факт, что литература наша обязана воспитывать читателя в духе коммунизма, литература наша должна быть партийной. Но в чём конкретно выражается партийность литературы?..

Обычно отвечают: в показе нового, передового. Против этого не возразишь.

Однако это новое часто понимается поверхностно, я бы сказал, даже вульгарно. Показать кслхозника, который по будням

ест блины с маслом, и умолчать о колхознике, который вынужден в холщовом «снидоре» возить из райцентра домой хлеб буханками, так как своего хлеба, заработанного на трудодни, не хватило, — не значит ещё показать новое.

Если вспомнить, что партия настойчиво призывает вскрывать ошибки, не замазывать их, не подменять парадностью и восхвалением, то станет понятно, что произведение, выставляющее напоказ блины и отвернувшееся от колхозника, которому тугу с хлебом, не является произведением партийным. Наоборот, оно выступает против принципов нашей партии.

И за то, что М. Жестев выбрал объектом для своих очерков отстающий колхоз, — честь ему и хвала. Место советского писателя, как и всякого другого коммуниста, не только там, где хорошо и благополучно, но и там, где трудно, где пока ещё плохо!

У М. Жестева есть такой эпизод.

Учитель начальной школы выбран секретарём колхозной парторганизации. Он по-своему умён, разбирается в хозяйстве колхоза, даже имеет незаурядные способности агитатора. Все данные за то, чтобы быть партийным вожаком. Ах нет!..

Лето, косьба, горячие дни... Партийный секретарь агитирует колхозников, чтобы все как один активно выходили на работу. У самого же у него — каникулы, свободное время, и он идёт тоже косить, но только не на колхоз, а... для своей коровы. Попробуй упрекнуть его за это!

Он агитирует, чтобы колхозники во время уборки берегли дорогое время, не разъезжали по базарам, а сам, пользуясь опять же свободным временем, едет продавать ягоды из своего сада в Ленинград.

Против откровенного хапуги, беззастенчиво пользующегося колхозной или социалистической собственностью, есть определённые статьи в уголовном кодексе, но ни один прокурор не решится применить закон к такому секретарю парторганизации, о котором упомянул М. Жестев. Этот секретарь формально прав — косит для себя сено в свободное время, никто не может запретить продавать ягоды где и когда ему вздумается. Нет такой статьи, чтобы привлечь его к ответственности, а вреда в жизни он приносит нисколько не меньше откровенного, неприкрытого хапуги.

Вот таких-то литература и должна вытаскивать за шиворот на суд общественности, обличать со всей непримиримостью.

М. Жестев обладает умением тонко подметить и показать читателю отрицательное, спрятанное под какой бы то ни было окраской.

Егор Васильевич Бутырин в недавнем прошлом занимал ответственный пост, был председателем райисполкома. Сейчас он председатель большого укрупнённого колхоза. Колхоз его одновременно и нищ и богат. С одной стороны, тысячи гектаров пахотной земли — раздолье для хлебороба, поёмные луга, строевой лес, в распоряжении прекрасная техника МТС, с другой стороны — убогий трудодень, на полях сорняки вместо хлеба, бескорница в зимнее время. Колхоз захлебнулся своим богатством, не в силах справиться с ним, сидит на сокровищах и день ото дня хиреет.

Председатель Егор Васильевич примирился с убожеством колхоза, не видит выхода, как манны небесной ждёт того дня, когда его отстранит от колхоза, переведут на более спокойную работу.

Почему же так получилось, что этот Егор Васильевич, некогда руководивший целым районом, несколькими десятками колхозов в нём, теперь не в силах справиться с одним?

Автор без особых предисловий прямо отвечает на этот вопрос. «...Он и раньше не утруждал себя глубоким проникновением в жизнь деревни и оценивал любой колхоз по тому, как тот укладывался в срок различных кампаний и принимал планы райисполкома. Он так же и теперь рассматривал свою работу в колхозе. Прежний Егор Васильевич как бы властвовал над нынешним, он лишь несколько опростился, потерял районную масштабность, но остался таким же, каким он был. Его жизненная, а вместе с ней и служебная философия была коротка и несложна. Главное — уложиться в срок и выполнить план! А остальное — зажиточность колхозников, товарность, механизация и агротехника — всё это нечто второстепенное. Во всяком случае, такое, за что председателя могут поругать, но что не грозит ему серьёзными неприятностями».

Всё ясно, Егор Васильевич ни больше ни меньше как службист, единственным руководящим принципом для которого является: «А как бы не высыпали!» Он чиновник, но чиновник особый, ему чуждо чёрствое бездушие, он хотел бы помочь колхозникам, он даже пытается что-то сделать и делает, но по-чиновничьи.

Бригадир Никита Фёдоров навозил на строительную площадку скотного двора дикий камень. У него простой расчёт: подвозка леса обойдётся дорого, камня кругом много, его всё равно нужно собирать и отвозить с полей, чего лучше, использовать как строительный материал — дёшево, прочно, удобно.

Но Егор Васильевич и слушать не хочет: «Ты что мне тут разные фантазии разводишь! — кричит он на бригадира. — Покажи мне типовой проект, чтобы из валунов скотный двор был».

А, к несчастью, таких типовых проектов нет в районе, нет официально утверждённой бумаги, значит, по мнению Егора Васильевича, не может быть и речи о строительстве.

Когда он был председателем райисполкома, то просто выполнял роль передаточной инстанции: сверху приходили бумаги, он их спускал вниз. В колхозе же, более чем где-либо, надо руководить конкретно, надо быть вдумчивым хозяином. Недаром же Алексей Темляков, в прошлом студент, в будущем секретарь партийной организации, говорит: «Хороший председатель колхоза наверняка сможет быть хорошим председателем райисполкома, но весьма сомнительно, чтобы плохой председатель райисполкома стал хорошим председателем колхоза».

Однако под чиновничьей оболочкой у Егора Васильевича где-то глубоко теплится чувства советского человека. Он скрывал их до тех пор, пока не видел выхода, пока Алексей Темляков, Никита Фёдоров, Анна Зепина и другие колхозники, наконец, постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС не заставили его поверить — выход есть! Тогда в характере Егора Васильевича происходит перелом.

Перелом этот закономерен, другое дело — насколько убедительно написан он.

В один прекрасный день Егор Васильевич, считавший себя временным явлением в колхозе, твердивший: «думайте, как хотите, «не мне, а вам в колхозе жить...», вдруг достаёт запарник, помогает его установить, потом «неожиданно перенёс свою активность на конюшню... Потом он заставил овошеводов очищать от снега парники...» Его охватила хозяйственная горячка.

Всё это могло быть, всё это даже как-то подготовлено предыдущими столкновениями с Алексеем Темляковым, жестокими доказательствами правоты нового секретаря,

которые подтверждает сама жизнь. И тем не менее перелом выглядит несколько примитивно.

Не может такой перелом в человеке совершившийся безболезненно, без душевной драмы, пусть незаметной, скрытой от окружающих, но тем более, должно быть, понятной читателю. Слишком просто отказывается Егор Васильевич от всего прошлого, и просто потому, что автор не потрудился заглянуть в духовный мир своего героя. Слова его, завершающие главу о переломе: «...Как подумаешь, что скажут: был у нас председатель Егор Васильевич, это при нём как никогда худо жили, — так сердце щемит...» — далеко не достаточны, чтобы заменить истинные переживания героя.

На страницах современных книг встретить образ партийного секретаря не редкость. Куда большая редкость найти среди них секретаря не из тех резонёров, которые исправляют ошибки некими беззаговорочными рецептами.

Образ Алексея Темлякова не таков. Живя одной жизнью с колхозниками, он беспрестанно присматривается, анализирует эту жизнь, делает выводы, без громких фраз борется за их воплощение. Он сделал открытие, что трудности в колхозе возникли оттого, что с укрупнением колхоз стал во много раз богаче.

«Да, да! Именно потому, что богаче! — говорит он. — Богатство неизбежно несёт большие трудности, если оно не по плечу руководителям колхоза. Беда пришла от увеличения пашни, лугов, скота, машин. Они требовали больших расходов. И получилось, что плохо используемое богатство много брало и мало давало...»

Как это верно подмечено! Как это часто в отстающих колхозах можно услышать жалобы: «Вот когда мы одной деревней жили — горюшка не знали. А нынче навесили нам на шею кудрявинцев и пестуновцев, посватались мы с ними на убожество». При этом все забывают, что «кудрявинцы» и «пестуновцы» «сватались» не с пустыми руками, принесли богатое приданое: луга, пашни, леса, выпасы... И обязательно в том колхозе, где слышатся такие разговоры, сидит в председателях какой-нибудь Савелий Митрофаныч, который вроде и добросовестный человек, но когда под его взглядом была одна деревня — колхоз не колхоз, а большая семья, — хватало у него и хозяйственной смекалки, а теперь одних бригадиров целый взвод, попробуй спра-

виться. Кряхтит этот Савелий Митрофаныч: «Трудно...», с тоской вспоминает прежнее житьё.

Слова Темлякова о богатстве и трудностях, связанных с ним, лишний раз напоминают, как нужны в наше время квалифицированные, высокообразованные кадры колхозных председателей. Выход из этих трудностей не в обедлении, не в разукрупнении богатства, а в том, чтобы богатством распоряжались хозяйствственные головы.

Не резонёрскими наставлениями воспитывает Алексей нездачливого председателя Егора Васильевича,— он бьёт его железной логикой жизненных фактов. Постройка скотного двора из валунов выгодна — факт! Егор Васильевич вынужден признать это. Выгоднее не отказывать колхозникам в лошадях для пахоты личных усадеб — факт! Егор Васильевич снова признаёт... Алексей Темляков не просто доказывает свою правоту, он воюет за свои идеи, борется и побеждает. И вот уже Егор Васильевич сам принимает решение гарантировать выдачу денег на трудодень. Это в некоторой степени риск, могут придаться ревизоры: не по смете, не по букве устава распределяется денежный доход. Егор Васильевич идёт на риск: «Ради такого дела... и ответ нести — честь!»

Победа Темлякова стала победой Егора Васильевича: последний победил в себе чиновную косность!

Темляков целеустремлён, вся его жизнь отдана колхозу, но в изображении этой целеустремлённости автор теряет чувство меры. Кроме того, что Темляков — секретарь парторганизации, ведь он к тому же должен иметь какие-то индивидуальные качества. У него нет каких-либо личных переживаний, автор не допускает мысли, чтобы он, молодой ещё парень, мог взглянуть на девушку иначе, как с точки зрения руководителя хозяйства: какую-де пользу можешь принести колхозу? Все простые смертные в книге влюблёнются, женятся, даже переживают семейные драмы,— Алексей Темляков выше всей этой суеты, шутка ли — партийный вожак в колхозе!

Но главный упрёк М. Жестеву надо предъявить со стороны художественной изобразительности.

Как-то, ожидая поезда на вокзале в Свердловске, я увидел человека, неторопливо шагающего через чемоданы и узлы. Сутуловатый, тяжёлые сильные руки свисают к коленям, смуглое восточное лицо,

сухие с проседью волосы спадают на угрюмые брови, под коршуным носом усы. Появилась даже какая-то оторопь, словно встретил знакомого, а тот не узнаёт меня,— так этот человек был похож на Григория Мелехова в зрелом возрасте, из четвёртого тома «Тихого Дона». Только взглянувшись, заметил: глаза не те, у Григория должны быть усталые, с тяжёлым пристальным взглядом, у этого — спокойные, простовато-житейские. И уже не тот облик. Даже такую, казалось бы, мелочь, как глаза, нельзя ни на йоту изменить, если образ создан в полную силу изобразительного мастерства. А кто из нас не встречал людей, похожих на Пьера Безухова, Ноздрёва, Дон-Кихота?

Разумеется, нельзя требовать от всех писателей, чтобы они с такой яркостью, с такой запоминающейся зрительностью создавали свои образы, как это делали великие художники слова. Но беда в том, что образы из очерков М. Жестева зрительно почти не ощущаются.

На первый взгляд это кажется странным: автор, знакомя своих героев с читателем, каждому даёт по возможности точный портрет. Читаешь дальше, и этот портрет выветривается из памяти, герой теряет лицо, внешне становится похожим на других. Редкие из героев, вроде Двушки или «кума пожарного», — исключение. Страдают зрительной безликостью и основные персонажи — Егор Васильевич и Темляков.

Мне кажется, что волшебной зрительной яркости героев классики достигают не только точным и красочным описанием их внешности, но и полным соответствием этой внешности их поступкам, их индивидуальной «манере жить» на страницах произведения. Нелепость подвигов Дон-Кихота гармонирует с его неуклюжей, долговязой фигурой. Поведение Пьера Безухова в светском обществе подчёркивается, а иногда как бы даже обуславливается его флегматичной внешностью.

У М. Жестева эта связь внешнего облика героя с его поступками если и присутствует, то в очень слабой степени.

Вот наглядный пример.

Автор пишет: «...открылась дверь, и в комнату вошла колхозница — вдова и мать троих детей, Ольга Петровна Анфисова». Дальше идёт обычный разговор, где Анфисова спрашивает об условиях работы в МТС и просит Темлякова поклонять перед председателем, чтобы тот отпустил рабо-

тать прицепщиком её сына Петьку. Разговор такой может вести женщина и со скромным и со склонным характером, бойкая и тихая — любая. Разговор — нивелированный! После того как она ушла, словами Темлякова даётся ей характеристика.

«...Вряд ли кто в Замостье знает всё, что происходит в деревне, лучше Анфисовой. К ней, как железная стружка к магниту, притягиваются все деревенские разговоры, слухи, новости. Если тракторист потерял гайку, об этом Анфисова узнаёт раньше, чем в МТС. Если на живца паромщик Кириян где-нибудь в заводе поймает щуку, то и это Анфисовой становится известно чуть ли не прежде, чем самому Кирияну. Слух, нюх, зрение преотличнейшие у Анфисовой. Но ещё больше развито у неё воображение. И если тракторист потерял гайку, то Анфисова, узнав об этом первая, будет утверждать, что сама видела, как у тракториста отлетело целое колесо, а обыкновенная килограммовая щука, которую поймал паромщик Кириян, обязательно превратится в пудовую».

Интересный характер: можно бы написать сочный образ. Подобная Анфисовой деревенская кумушка, прежде чем завести разговор о сыне, непременно выложила бы перед Темляковым кучу новостей, просью свою пересыпала бы бесчисленными отступлениями, да ещё своим, только для неё характерным языком. Этого нет, верить приходится бирке, а не индивидуальной жизни героя.

Авторский приём навешиванья бирки характерен и для более значительных персонажей, чем Анфисова.

В начале книги дан портрет Алексея Темлякова: «...взошёл незнакомый молодой человек. Высокий, в защитного цвета плаще, видимо, сшитом из солдатской палатки, в громоздких тупоносых сапогах, какие обычно носят сплавщики...» Через несколько страниц Темляков показывается в другой одежде: «...В майке, в летних выцветших солдатских галифе и белом полотняном берете он больше походил на ротного повара, чем на будущего агронома». Других портретов нет. Тупоносые сапоги и белый полотняный берет как черты образа — случайны, они не присущи ему, не соотнесены с поступками Темлякова. Эти поступки тоже не помогают окрасить образ так, чтобы выглядеть индивидуальными, его поступками, а не другого. И если бы автор не заявил

вначале, что Темляков — студент, что ему «лет двадцать семь, не больше», то трудно бы догадаться, молод он или в преклонном возрасте, не говоря уже о том, что ни лицо его, ни повадки не представляются отчётливо.

Такая зрительная, физическая бесцветность героев очень сильно снижает идеино-верное, местами по-настоящему глубокое произведение.

Мне кажется, как в идейной направленности вещь, так и в силе её художественного воздействия значительную роль играет концовка. Читатель, закрывая книгу, остаётся под впечатлением последних страниц. Это впечатление сильно сказывается на отношении ко всему произведению. Некоторые литераторы считают, что чем благодушнее, безоблачнее конец произведения, тем оно идеино-весомее. Поэтому они к концу стараются повздорившую пару молодых непременно женить, недостатки на производстве заменить сногшибательными успехами, отрицательных персонажей повернуть так, чтобы они предстали сугубо положительными. После такой концовки на душе у читателей должно быть умиротворение, жизнь непременно покажется в сплошных розовых красках, остаётся одно — успокоиться и забыть все страсти, кипевшие в начале и в середине книги. А наша литература должна будоражить, а не убаюкивать читателя, должна звать на борьбу с подлостью, с тем, что мешает нам жить.

Тем более странно видеть в неприглаженной вещи М. Жестева довольно-таки сладенький конец. На последних страницах в колхозе безоблачное процветание: все, кому нужно, благополучно переженились, семейные драмы утихи, отрицательные герои исправились. После такой концовки так и хочется сказать с облегчённым вздохом: «Ну и слава богу, всё в порядке. Будем жить тихо и покойно». А нам ещё рано облегчённо вздыхать, рано складывать оружие и наслаждаться покоем.

Недостатки в книге «Под одной крышей» есть, они серьёзны, но значительны и её достоинства. Читатель должен быть благодарен автору уже за то, что тот с большим знанием жизни, с подкупавшей честностью помог ему не только выйти на парадную улицу колхозной деревни, но и заглянуть в её сокровенные закоулки.

В. ТЕНДРЯКОВ.

